

УДК 342(049.32)

Новая монография А.Н. Медушевского: взгляд историка-государствоведа

Татьяна Г. Архипова

*Российский государственный университет,
Москва, Россия, archipova-iai@mail.ru*

Аннотация. В статье на фоне анализа современного состояния отечественной историографии анализируется содержание монографии известного историка, философа и политолога А.Н. Медушевского, посвященной конституционно-правовой составляющей политической истории России последнего столетия. С этой целью рассмотрено введение к основному тексту, обращается внимание на оригинальность концепции и понятийного аппарата, историографическую и источниковую базу, совокупность применяемых автором научных методов широкого спектра гуманитарных наук. Основное содержание работы изложено в двенадцати главах исследования, в которых последовательно рассматриваются конституционные проекты и их реализация в виде основных законов в России на протяжении XX века. Анализ в соответствии с заявленной методологией ведется от результатов, зафиксированных в текстах конституций, к замыслам и целям их авторов. Последняя глава работы венчает попутно начатый в предшествующих главах окончательный выход на проблемы современного состояния российской государственности. Увлечение исследовательскими методами правовых наук приводит к тому, что в работе в большей степени представлена политико-правовая, нежели политическая история. Некоторое количество дискуссионных положений не умаляет ценности данного исследования, адресованного серьезному и вдумчивому читателю, любящему и болеющему за судьбу России.

Ключевые слова: конституции, конституционные комиссии, конституционализм, российская государственность, реформы, А.Н. Медушевский

New monograph by A. Medushevsky.
The view of a historian and a state expert

Tatyana G. Arkhipova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, archipova-iai@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the content of the monograph of the famous historian, philosopher and political scientist A.N. Medushevsky, whose work is dedicated to the constitutional and legal component of the Russia's political history of the last century. For this purpose, the introduction to the main text is considered. Special attention is drawn to the originality of the concept and the conceptual apparatus, the historiographical and source base, the totality of the scientific methods for a wide range of the humanities used by the author. The main content of the work is set out in the twelve chapters of the study, which consistently examines the constitutional projects and their implementation in the form of basic laws in Russia throughout the twentieth century. The analysis, in accordance with the stated methodology, starts with the results recorded in the texts of the constitutions and leads to the intentions and the goals of their authors. The last chapter of the work ties the previous chapters, which, in passing, deal with the final solution to the problems of the current state of the Russian statehood. Devotion to the research methods of legal sciences leads to the fact that in the work politically biased legal history prevails over political history. A certain number of discussion points do not depreciate the value of this research, addressed to a serious and thoughtful reader, who loves Russia and takes its destiny to heart.

Keywords: constitutions, constitutional commissions, constitutionalism, Russian statehood, reforms, A.N. Medushevsky

Введение

Минувший 2017 год прошел у историков, и не только у них, под знаком столетнего юбилея революции в России. По всей стране состоялись конференции, «круглые столы», чтения и иные научные собрания. Участие в некоторых из них позволяет утверждать, что, во-первых, сто лет – не срок для изучения такого рода событий, во-вторых, что на сегодняшний день у ученых, причем не только

отечественных, нет консенсуса в оценке событий столетней давности, но и минувшего века в целом.

С нашей точки зрения, постреволюционная отечественная историография делится на два периода. Первый: 1917 – середина 1980-х гг., когда история революции принадлежала ее победителям, писать о ней можно было под их присмотром и в соответствии с господствующей идеологией. Выход за установленные ими рамки мог быть осуществлен, в лучшем случае, за пределами страны. Это была беда, а не вина историков. Их изыскания, особенно в фактологической их части, игнорировать, думается, некорректно. Вторая половина 80-х гг. – настоящее время – это второй период отечественной историографии. Нынешнее поколение российских историков имеет возможность по-новому взглянуть на революционные события XX в. Добытый в массе источников или реконструированный факт (их уже накопилось достаточно), без его объяснения и интерпретации остается только фактом, вырванным из событийного ряда.

Ученые разделились на три лагеря. В одном из них наблюдается оценка революции как единственно верного выхода из сложившихся реалий начала минувшего века, в другом – оценка прямо противоположная, наоборот, предлагается либо один, либо ряд иных вариантов, в третьем – предпринимается попытка примирить эти две точки зрения. В этом нет ничего трагедийного – пусть цветут все цветы, в науке должно быть место для дискуссий. Они, как и преемственность, и отрицание наработок предшественников в какой-то их части, являются основой для развития любой науки.

Вышедшее в минувшем году монографическое исследование известного российского ученого, специалиста широкого спектра гуманитарных наук А.Н. Медушевского, написано именно в этом русле. В нем имеется все: и выводы дискуссионного характера, и преемственность, и отрицание.

Прежние работы А.Н. Медушевского затрагивали различные аспекты проблем политической и конституциональной истории русской революции, в этой же он сосредотачивается на них более детально. Он вычленил и рассмотрел конституционно-правовую составляющую российской истории последнего столетия. В такой постановке проблема рассматривается впервые, хотя не только зарубежные, но и отечественные историки – государствоведы и специалисты в области конституционного права и истории государства и права так или иначе ее касались.

Анализ содержания монографии

Введение к основному тексту содержит не только традиционные для этой части работы составляющие, но и авторскую оригинальную, последовательную и систематичную концепцию политической истории России XX – начала XXI века. Объектом его исследования являются конституции, числом которых Россия в минувшем веке удивила весь мир, предметом – «содержание, структура и динамика конституционных принципов, факторы их содержательной трансформации и вклада в формирование общественных отношений» (1 с. 15–16). В этой же части работы автор дает собственную, оригинальную трактовку используемому им довольно сложному понятийному аппарату, объясняет предлагаемую периодизацию, предопределившую структуру работы, представляет читателю совокупность применяемых научных методов. Особенно подробно автор останавливается на когнитивном методе. Впечатляет использованный автором круг источников. В первую очередь им использовались документы российских конституционных комиссий – начиная с проектов предреволюционного периода до программы Временного правительства и Учредительного собрания, а также комиссий, готовивших тексты конституций 1918, 1924, 1936, 1964, 1977 годов. Изучались и проекты конституций, относящиеся к эпохе перестройки (1985–1991 гг.), и, наконец, проекты Конституции Российской Федерации 1993 года, заложившей основы современного конституционно-правового устройства России. В числе источников – идеологические манифесты, программные заявления политических партий, воспоминания государственных и политических деятелей и другие документы. Использовались автором и материалы зарубежных архивов. Привлекаемая им литература принадлежит, в основном, перу зарубежных авторов и российских эмигрантов. Это его выбор, и он имеет на это право.

Думается, что здесь нет необходимости перечислять названия двенадцати глав исследования – в них последовательно рассмотрены причины разработки, варианты реализованных и нереализованных проектов конституций в интервале с 1917 г. до конца XX века. Чуть ли не треть текста посвящена Конституции СССР 1936 г. Работу отличает огромное количество фактического материала, масса параллелей и сравнений с аналогичными процессами в разное время в других государствах. Она густо «населена» персонажами.

Анализ в соответствии с заявленной методологией ведется от результатов, зафиксированных в текстах конституций, к замыс-

лам и целям их авторов. Увлечение исследовательскими методами правовых наук приводит к тому, что в работе в большей степени представлена политико-правовая, нежели политическая история, что не ставится в упрек автору, т.к. введением к работе такой ракурс предусматривался. Однако это не могло не сказаться в том, что при таком построении работы за ее пределами осталась совокупность реалий того времени, а тезис об отсутствии в России конституционализма и причинах этого не находит достаточного обоснования.

Последняя, XII глава «Завершение революционного проекта: крушение СССР и формирование постсоветской политической системы» венчает начатый в предшествующих главах окончательный выход на проблемы современного состояния российской государственности.

Заключение ко всей работе под названием «Понять русскую революцию» в значительной степени содержит аналитическую составляющую, выводы по всему исследованию и прогнозы на будущее конституционализма в России.

Значительная часть его выводов представляется вполне обоснованной. Ну кто, например, возразит по поводу вывода об отсутствии фатальности революции и причинах «революционного срыва в России» (1 с. 75)? Вот уж, действительно, «верхи» не смогли, а «низы» не захотели. Революционная ситуация в начале века была не только в России – человечество жаждало перемен. И там, где они под влиянием российской революции произошли, государства обошлись без революций. Трудно возразить против названных А.Н. Медушевским причин непродолжительного властвования Временного правительства (1 с. 89–97), против констатации им приоритета идеологии над политикой (1 с. 440, 498 и др.), против вывода о том, что перманентное конституционное творчество не привело к подлинному конституционализму, к появлению на просторах России правового государства. Примеры эти можно множить.

В целом высоко оценивая эту монографию, нельзя не назвать ряд, с нашей точки зрения, дискуссионных положений, выдвинутых автором, хотя все они логично укладываются в сконструированную им схему, отвечают критериям, им заявленным. Однако в случае использования других схем и критериев работа может оказаться уязвимой.

Думается, растягивать революцию – на без малого век, не вполне оправданно. Дело в том, что большевики не имели четких представлений о государственном устройстве, государственном аппарате, экономической политике и т. п. в новой России (откуда им

быть, когда чуть ли не за месяц до революции Ленин не мечтал до нее дожить?). Подобрав валявшуюся на улицах осеннего Петрограда власть, встретив сопротивление не только свергнутых классов, преодолевая его, ведя войну на два фронта, они «на ощупь» стали искать подходящую им схему. Спонтанность действий по строительству новой государственности сопровождалась отказом от прежних туманных теоретических построений. В большинстве своем они очень быстро были заменены новыми. Общие контуры новой политической системы были обозначены в актах конституционного характера: «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и в резолюции III Съезда Советов «О федеральных учреждениях Российской республики». Но часть ленинского окружения, общественность настаивали на принятии Конституции. В преддверии ее принятия 29 мая 1918 г. ЦК партии заявляет, что «декреты, мероприятия советской власти исходят, главным образом, от нашей партии». Роль первой советской Конституции, думается, принижена в отечественной историографии, а ведь она закрепила сложившуюся к лету 1918 г. политическую систему и предопределила последующую практику советского строительства. Уже в этой Конституции просматриваются контуры «федеративного» государства. И Ленин, и Сталин были унитаристами. Первый стал федералистом под влиянием обстоятельств, второй не менял своих взглядов всю жизнь, периодически напоминая о преимуществах «социалистического унитаризма» и призывая не путать право выхода из федерации с целесообразностью выхода. После принятия первой Конституции главной задачей становится защита новой власти – никто не приходит к власти с намерением ее отдать. Текст Конституции СССР 1924 г. в большинстве случаев (исключение – главы о Верховном суде СССР и ОГПУ) повторяет положения первой советской Конституции, да и договорной она была только по форме. Две последующие советские конституции были приняты в преддверии юбилейных революционных дат и должны были демонстрировать всему миру достижения советской власти.

С нашей точки зрения, революция завершилась с принятием Конституции 1936 г. Завершилась в том виде, в каком ее задачи к этому времени представлялись прагматикам, стоящим у руля государства. Конституция закрепила границы его правового поля. Предреволюционный социальный проект приказал долго жить, государство следовало бы называть не советским, а партийным со всеми вытекающими последствиями. Как известно, ленинская теория «народного» государства стала рушиться еще при нем – по-

литики далеко не всегда выполняют свои обещания. Эта Конституция действовала по существу вплоть до крушения Советского Союза. Последующие конституционные инициативы до начала перестройки не имели столь значительного влияния. Даже знаменитая 6-я статья Конституции 1977 г. была более четкой формулировкой 126-й статьи ее предшественницы. Высоко оцененная даже международным сообществом сталинская Конституция (при сопоставлении ее с практикой внутренней политики) была антисталинской – наиболее ярким примером номинального конституционализма.

В свете вышеизложенного дискуссионным представляется вывод о принятии конституций накануне репрессий (1 с. 617). Дело в том, что репрессии в советский период были всегда, хотя и носили волнообразный характер. Самым высоким гребнем волны были 1937–1938 гг. Причины этого видятся в отсутствии тех достижений, которые анонсировались властью чуть ли не сразу после революции, в необходимости ответить на сакраментальный в России вопрос «кто виноват?», в опасениях власти по поводу состава депутатского корпуса в Советах всех уровней из-за изменений избирательной системы (выборы прошли год спустя после принятия Конституции неслучайно). Виноваты были найдены быстро, и ответ на следующий вопрос «что делать?» был предreshен.

Трудно согласиться с предложением о необходимости радикальной конституционной реформы в современной России (1 с. 636–637). Думается, что сначала гражданское общество должно заставить власть выполнять эту Конституцию, которая, как и Конституция 1936 г., постепенно на наших глазах превращается в номинальную. Можно принять еще несколько конституций, но без следования им конституционализм в России не появится. Разработчики последней российской Конституции предполагали ее переходный характер, считая, что после ее апробации возможны коррекция ее статей либо принятие новой.

Заключение

Перечень дискуссионных вопросов можно было бы продолжить (повторимся, без дискуссий трудно представить прогресс в любой науке), но это ни в коей мере не умаляет вклада А.Н. Медушевского в изучение политической истории России XX – начала XXI века. Книга эта для серьезного и вдумчивого читателя, любящего и болеющего за судьбу России.

Литература

1. Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.

References

1. Medushevsky AN. The political history of the Russian revolution. The norms, institutions, forms of social mobilization in the twentieth century. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.; 2017. 656 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Г. Архипова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; archipova-iai@mail.ru

Information about the author

Tatyana G. Arkhipova, Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; archipova-iai@mail.ru